

ГЛАВА 1

Оберштурмбаннфюрер Франц Ветцлер сверлил гневным взглядом сидевшего перед ним ученого. Кулаки, которыми следователь уперся в стол, побелели. Физики, ученые! Черт бы их побрал, этих нытиков и слюнтяев! Все немцы в едином порыве следуют призывам фюрера, не щадят себя, куда бы ни поставила их родина в эти трудные годы. Кто-то на фронте, кто-то здесь, в Германии. Но находятся же вот такие, которые пускают слюни и твердят, я, мол, не могу, мне не позволяет моя внутренняя позиция.

— Вы осознаете, Гейзенберг, такие понятия, как долг немца, ответственность перед рейхом? — продолжал Ветцлер, с трудом сдерживая рвущийся крик.

Вот уже несколько месяцев в гестапо пытаются убедить известного физика Вернера Гейзенберга начать работать в проекте по изучению ядерной энергии. И все это время следователи

слышат одно и то же: мы не должны, ответственность перед всем человечеством, страшные последствия... Какое дело немецкой нации до всего человечества! Этот сброд с разным цветом кожи, расселенный по всем континентам, не стоит наших размышлений и заботы. Их право — умереть и освободить место под солнцем для чистокровных арийцев, для высшей расы.

Ветцлер прошелся по кабинету, нащупывая в кармане сигареты. Курить хотелось невероятно, но в Германии проповедовался здоровый образ жизни, и курение в кабинетах и общественных местах не приветствовалось. Тем более среди членов партии.

Следователь выдержал положенную паузу, поглядывая на ученого. С каждым вызовом обрабатывали Гейзенберга все жестче и жестче. Указание самого Кальтенбруннера: убедить ученого сотрудничать в рамках ядерного проекта. И не гнушаться никакими методами. Интересы рейха превыше всего! Сегодня будет разыгран очередной, скорее всего, последний спектакль. И именно в духе самого обергруппенфюрера — убежденного антисемита, человека, относящегося с презрением, граничащим с ненавистью, ко всем людям с сексуальными отклонениями. Кальтенбруннер был предан идеям фюрера, как

никто другой. Больше того, он был предан лично Гитлеру. И поэтому пользовался особым доверием в высшем эшелоне власти Германии.

Начальник РСХА несколько дней назад вызвал Мюллера и предложил ему форсировать работу с учеными по привлечению лучших умов Германии к ядерным разработкам. В кабинете находился и Кальтенбруннер. Ни для кого в Главном управлении имперской безопасности не было секретом, что именно Кальтенбруннеру Генрих Гиммлер вскоре оставит свое кресло.

Вернер Гейзенберг был нужен нацистам, и поэтому с ним так долго нянчились. Кальтенбруннер посоветовал начальнику гестапо «снять белые перчатки» и подготовить правдоподобные доказательства того, что Гейзенберг был гомосексуалистом. Чистота нации требовала самого сурового отношения к людям с такого рода отклонениями¹. Ученый должен был перетрусить и согласиться.

Ветцлер стоял у окна. Пустынная Принц-Альбрехт-штрассе под окном, по которой лишь

---

¹ Именно Эрнст Кальтенбруннер, находясь в должности руководителя РСХА, летом 1943 года направил в Министерство юстиции предложение о введении обязательной кастрации для гомосексуалистов, однако поддержки не получил.

изредка проезжали легковые машины, вызывала раздражение. Почему люди сторонятся здания Главного управления имперской безопасности, стараются не ходить и не ездить по этой улице? Для кого работает весь аппарат РСХА? Для всех немцев! И вот для этого худого человека со щеточкой усов под носом, который упорно отказывается работать на науку современной Германии. Ну что же. Он вынуждает обойтись с ним жестко.

Ветцлер вернулся к столу и уселся на стул напротив ученого, положив ногу на ногу. Оберштурмбаннфюрер заговорил голосом смертельно усталого человека, у которого все силы ушли на праведные дела по перевоспитанию немцев, и теперь он просто вынужден так поступить. Теперь он с полным правом «умывал руки».

— Вот что, господин профессор. Я должен признаться, что после каждого вашего визита в гестапо следователи с брезгливостью протирают спиртом перьевые ручки, которыми вы подписывали ваши показания и листы допросов. А также стулья, на которых вы сидели. Поймите, обычным немцам это до такой степени неприятно, что их брезгливость вполне можно оправдать.

— Не понимаю вас, — напряженным голосом заговорил Гейзенберг и заерзал на стуле. — Я что, болен?

— Больны, — с готовностью кивнул следователь. — Можем считать это болезнью, можем распушенностью. Но в любом случае общество таких отклонений личности не приветствует и отторгает из своей здоровой среды. Это общественное мнение, пока. Здоровая нация не приемлет такой грязи. Я говорю о гомосексуализме, профессор. Об этой грязной, отвратительной утехе.

— Что? — ученый уставился на Ветцлера, не понимая, относиться к его словам как к глупой шутке или пугаться по-настоящему.

Оберштурмбаннфюрер смотрел на собеседника, слегка барабаня пальцами по столу и чуть покачивая носком начищенного сапога. Он старался изобразить на лице горькое сожаление. Нельзя сразу давить на человека презрением; пусть постепенно осознает весь ужас своего положения, тогда он сам кинется навстречу с мольбами о помощи, сам начнет искать выход из ситуации.

А Гейзенберг не мог справиться с собой. Он шарил руками по одежде, не понимая, что он ищет. Потом профессор нашел в кармане платок

и стал старательно вытирать руки, как будто испачкался в чем-то. И тут же, похолодев, понял, что подтверждает подозрения этого человека. Он не заразен, ему нечего стыдиться! Это все нелепо и сейчас же разъяснится. Он ждал, что следователь вдруг заявит, что все это лишь навет злоумышленников и завистников. Выходки его научных оппонентов, которые не брезгают и такими методами. Он даже надеялся и готов был простить, если следователь вдруг рассмеется и заявит, что это была лишь шутка. Но Ветцлер молчал.

— Это невозможно, — вкрадчивым и немного заискивающим голосом заявил ученый. — Этого не может быть, никогда и ни у кого в нашем роду не было таких наклонностей. И я никогда не испытывал ни тяги, ни интереса... Только к женщинам, я женат, я законопослушный гражданин и счастливый отец семейства.

— Хватит! — оборвал Гейзенберга следователь. — Ваше мнение меня не интересует, господин физик. Я не верю словам, слова — это только пустой звук. Моя работа — верить фактам и неопровержимым доказательствам. И они у меня есть!

Гейзенберг смотрел на следователя, с ужасом стиснув пальцы рук. Ветцлер поднялся со

стула, обошел стол и взял в руки папку. Он стал резко, с ожесточением листать подшитые страницы и перечислять имена и фамилии свидетелей, подтверждавших факты совокупления профессора с мужчинами.

— Лотар Келлер, стюард международного экспресса Берлин — Берн, показал, что застал вас в августе 39-го года в купе поезда с неким господином, коммивояжером из Бремена. Якоб Бухольц, владелец маленького отеля, заявил, что вы в ноябре того же года тайком провели в свой номер молодого человека. Адам Кернер, электрик берлинской электрической компании, сознался, что был вашим любовником на протяжении полутора лет, с весны 41-го до осени 42-го года. Госпожа Ханна Эггер собственноручно выставила вас из дома, где вы снимали квартиру, когда вы забыли запереть дверь...

— Нет, нет, нет! — закричал ученый, закрывая лицо руками, как будто хотел спрятаться от этого нелепого, страшного сна. — Это все навет, злой умысел. Кому-то надо меня очернить. Они лгут, лгут!

— Лгут? — громко и холодно прозвучал под потолком голос следователя. Прозвучал, как колокол набата. — Тогда посмотрите фотографии, которые нам предоставили свидетели...

Гейзенберг поднял голову: перед ним на стол шлепнулись и чуть разлетелись несколько снимков. О ужас! Он смотрел и не верил своим глазам. Он не узнавал этого мужчины, не узнавал помещения, в котором все происходило. А происходили там кошмарные вещи. Двое обнаженных мужчин в постели, обнимающие друг друга. И не только... Боже! И в одном из них Гейзенберг узнал себя. Нет, это не он... но очень похоже. А вот здесь его лицо, он точно узнавал свое лицо, но как... Мистика! Ведь никогда, ни в юности, ни в зрелом возрасте, у него не было ни потребности, ни интереса и никакого желания заниматься этим с мужчинами!

И ученый, выронив на пол фотографии, заплакал. Он зарыдал как ребенок, переполняемый отчаянием, безнадежностью последствий. Чья-то злая шутка, чьи-то дикие козни... Но чьи? Это уже ничего не значило. Гейзенберг хорошо знал, что за такое поведение ему грозит концлагерь. Все, прощай доброе имя, прощай карьера ученого и университетского преподавателя, прощай наука. Забвение, позор, уничтожение! Смерть, это просто смерть. Еще не физическая, но — моральная, нравственная. А за ней и физическая вскоре. Ведь без науки, без всего

того, чем Гейзенберг жил многие годы, он жить уже не сможет.

Чужая рука легла ему на плечо и по-дружески чуть сжала его. Ученый поднял измученный взгляд. Следователь грустно улыбался ему и понимающе кивал головой. И от этого взгляда, от прикосновения, в котором уже не было брезгливости, эта рука на плече показалась ему рукой Господа. Сейчас оберштурмбаннфюрер Ветцлер показался ему самым близким, почти всемогущим человеком. И Гейзенберг готов был заплатить за эту дружбу и поддержку чем угодно.

Мюллер не поднял головы, продолжая перебирать бумаги на своем столе. Он только коротко кивнул в сторону стула:

— Заходите, Ветцлер. Садитесь. Я жду вашего доклада по делу Вернера Гейзенберга.

Оберштурмбаннфюрер щелкнул каблуками, прошел через кабинет твердым шагом и вежливо опустил на стул возле стола своего шефа, положив на колени папку с документами, которые могли понадобиться начальнику гестапо.

— Гейзенберг согласился сотрудничать, — заговорил Ветцлер. — Уже завтра он готов выехать на объект и погрузиться в работу. Он раскаялся и полон желаний искупить свою вину

в потере драгоценного времени. Он сказал даже, что у него есть ряд идей, которые могут помочь коллегам, давно работающим над этой проблемой. В частности, его идеи касаются использования так называемой тяжелой воды, или дейтерия.

— Вот как? — Мюллер наконец поднял глаза на своего сотрудника и пожевал тонкими губами. — Вы начали разбираться в ядерной физике?

— Я просто передал вам дословно его слова, группенфюрер, — вежливо улыбнулся Ветцлер.

— На чем вы его сломали? — нетерпеливо спросил Мюллер.

— Идею предложил Кальтенбруннер — обвинение в гомосексуализме. Я только подготовил техническую сторону. Поддельные показания, фотомонтаж. И объяснил нашему другу, что ему грозит перевоспитание в концлагере и публичный позор.

Ветцлер открыл папку и стал выкладывать перед шефом бланки допросов свидетелей и фотографии. Мюллер покивал головой и скривил тонкие губы.

— Юрист с докторской степенью и набожный католик не гнушается такими методами?

— Мне кажется, что мы зря теряли столько времени, — пожал плечами Ветцлер. — Лагерь позволяет быстрее добиваться желаемых результатов.

— Мы не стали бы сажать его в лагерь, — раздраженно заметил Мюллер. — Мать Гейзенберга дружна с матерью Гиммлера. И потом, вы же знаете, какими люди выходят из лагеря. Сломленными, опустошенными. Это не курорт. Лагерь ломает, тем более таких интеллигентных слюнтяев. Посадив Гейзенберга в лагерь, мы бы навсегда потеряли его как ученого. А его голова сейчас очень нужна рейху. Заберите материалы, составьте мне справку для доклада начальнику управления. За Гейзенбергом необходимо установить круглосуточное наблюдение до самого момента его прибытия на объект. Не верю я этим физикам. Он вполне может, испугавшись, попытаться сбежать или покончить с собой. Нервы у них слабые. О прибытии ученого сообщите нашему агенту на объекте. Пусть изучит мнение других ученых, подготовится к встрече.

Доктор Гейзенберг наконец вернулся домой. Здесь, в своем коттедже в тихом районе Темпелхофер, он любил работать вдали от городского шума. У ученого была неплохая библиотека,

которую он собирал много лет. А еще в коттедже был удобный кабинет, двери которого выходили прямо в сад. Здесь всегда хорошо думалось.

Ученый сел за стол и закрыл лицо руками. В памяти снова пронеслись ужасные события, страшные обвинения. Стыд сжигал изнутри. Борься с такими эмоциями можно было только с помощью работы. А работа предстояла большая. Пусть так, пусть на нацистов, но это работа, это наука. В конце концов, он был только ученый.

Надо собираться. Гейзенберг вскочил, заметался по комнате, отбирая тетради с записями, книги. Одежда? Черт с ней, с одеждой, не это главное. Одежда потом...

Тихий стук в окно заставил ученого замереть на месте. Показалось? Гейзенберг потушил свет и подошел к окну. Что там? Кто-то в саду? Снова в голову начали закрадываться мысли о гестапо.

Но тут между деревьями мелькнула фигура мужчины в пальто и шляпе. Незнакомец снял шляпу и церемонно поклонился.

— Господи, Клаус! — вполголоса проговорил профессор. — Вы испугали меня. Что это значит? Почему вы через сад?

— Тише, профессор, — прошептал молодой человек. — Хорошо, что вы потушили свет. Вы позволите мне войти?

— Конечно, конечно! — засуетился Гейзенберг, открывая пошире застекленную дверь и пропуская ночного гостя. — Как я не могу впустить в дом своего самого талантливого ученика? Но объясните же, что происходит? За вами гонятся? Вас кто-то преследует?

Гость вошел в кабинет, подождал, пока профессор закроет дверь, задвинет плотные шторы на окнах, пока зажжет свет, потом снял пальто и бросил его вместе со шляпой на стул. Невысокий, широкоплечий, русоволосый, он подошел бы для любого фото в журнал или для плаката: «Немцы выбирают спорт и здоровый образ жизни. Нация думает о своем будущем!»

Профессор под пристальным взглядом гостя опустил глаза и начал суетиться возле спиртовки со стоящим над ней кофейником. Он стал странно говорить о погоде, о том, что не смог в субботу купить сливочного масла, а в его возрасте организму нужен кальций, чтобы не начал развиваться сколиоз.

— Профессор, — тихо заговорил гость. — Что с вами произошло? Я же вижу, что вы изменились, вы не тот прежний Вернер Гейзенберг —

боец от науки, яркий теоретик, генератор идей. Я слушал ваши речи на научных симпозиумах и восхищался вами. Я был счастлив осознавать, что я ваш ученик, но вот теперь я смотрю на вас и не узнаю.

Гейзенберг вздрогнул, но не повернулся. Он старательно вытер стол, зажег спиртовку, поправил кофейник, расставил на столе чашечки и только потом, собравшись с мыслями, обернулся к гостю. Злость на себя, злость на гестапо, на нацистов, которые пришли к власти, которых боготворит немецкий народ и ненавидят все остальные. Теперь, когда эта злость, смешанная со стыдом, наполнили его, Гейзенберг снова стал в какой-то степени прежним. И он заговорил, отмахиваясь на каждой веско брошенной фразе правой рукой, как делал это во время докладов перед учеными или студентами:

— Наука, дорогой мой мальчик! Наука развивается вне зависимости от погодных условий, вне войны или эпидемии, вне природных катаклизмов. Она развивается, скорее, вопреки, потому что каждое социальное потрясение — это толчок, это катализатор. Уходят государственные деятели, эпохи, а помнят научные достижения. Они остаются людям, они им служат, они развивают общество и двигают его вперед,

создавая материальное, а значит, и духовное изобилие.

— Но сначала научные достижения попадают в руки тиранов, — покачал головой гость. — Они усиливают их власть, помогают держать в узде миллионы. И тирания рушится не благодаря науке, а благодаря людям, которые сопротивляются, борются с тиранией. Да, достижения останутся и после падения тирании, но какой ценой все это достанется? Сколько жизней забрет научное открытие во время войны, научное открытие для войны?

— Войны проходят, они прекращаются...

— Энергия атома, пусть и управляемая, — слишком мощное оружие в руках человечества. А если она вырвется из-под контроля, учитель?

— Дейтерий, Клаус, вы забыли о тяжелой воде, — начал горячиться ученый. — Она замедляет процесс. Для реактора...

— Для реактора? А для снаряда, который направят на врага?

Руки Гейзенберга, которые тот поднял, чтобы подчеркнуть очередной веский аргумент, замерли в воздухе, потом безвольно упали вниз. Гость подошел и взял своего учителя за плечи:

— Профессор, вы многому научили меня! Вы научили меня не идти на компромисс ради

великой цели, ради чистой науки. Вы научили меня отстаивать свое мнение. И я спрашиваю, что с вами сделали, почему вы так изменились?

— Не надо, Клаус. — Профессор замотал головой, потом отвернулся и уставился на картину с пейзажем альпийской деревни.

— Хорошо, учитель. — Молодой человек кивнул и, подойдя к стулу, взял пальто и шляпу. — Вы вправе сами решать. И я тоже.

— Ты пришел тайком, Клаус? — вздохнул ученый. — За тобой следят, тебя ищут?

— Не беспокойтесь, учитель, — твердо ответил гость. — Вам лучше не знать. Если вас спросят, признайтесь честно, что я навещал вас. Но вы не знаете о моих планах ничего. Надеюсь, мы еще увидимся, и все будет позади, и наш разговор тоже...

Рыбацкий баркас качало с борта на борт. Скрип снастей и деревянных частей судна часто заглушался шумом волн и свистом ветра.

Лейф Ларсен стоял в маленькой рубке, то и дело прикладывая к глазам бинокль. Погода портилась быстрее, чем предсказывали синоптики. Но Шетландский Ларсен, как прозвали шкипера в норвежском Сопротивлении, как раз

такой погоды и ждал. Немецкий линкор «Гирпиц» вот уже несколько лет безуспешно атакуют силы союзников. Были попытки торпедировать его, судно атаковала авиация, но больших повреждений этому монстру нанести так и не удалось. «Гирпиц» был серьезной угрозой на море для флота союзников, и прежде всего Великобритании, а также для морских конвоев в Советский Союз.

Несколько месяцев назад, когда бесполезными оказались и торпедные атаки, и «прыгающие» бомбы, поступил приказ срочно собрать управляемую торпеду. Итальянские морские диверсанты уже использовали такие, так что вопрос был чисто техническим, инженерным. И вот теперь под днищем рыболовецкого баркаса «Артур», направлявшегося к Тронхеймс-фьорду, находились две такие торпеды, или, как их называли, «колесницы».

Двухместный подводный аппарат был сделан из обычной двухтонной торпеды. Электромотор, батарея, которая была в состоянии питать двигатель в течение 6 часов. В условиях холодного Северного моря это позволяло преодолеть в среднем 24 километра. Командование рекомендовало не расплытаться, а применять «колесницы» парами.

Многие считали, что для великана с мощной современной защитой две такие торпеды — это укус комара, укол булавки. Но Ларсен полагал, что успех возможен. Он, моряк, хорошо знал, что торпеды, если они угодят под турбины «Тирпица» или в рулевую группу, надолго сделают линкор безопасным, он не скоро сможет выйти в море. Такие повреждения реально исправить лишь в сухом доке. Так что две торпеды с боеголовками по 300 кг торпекса¹ в каждой вполне могут сыграть решающую роль.

Баркас бросало из стороны в сторону, но приливное течение помогало удерживать курс. Сейчас судно шло в зоне, которую контролировал немецкий флот. Здесь появлялись патрульные катера, которые могли устроить проверку. Ларсен еще два часа назад приказал укрепить торпеды под днищем.

Снова волна ударила в борт, вода полилась по стеклу рубки. Рыжебородый рулевой в клеенчатой рыбацкой куртке, не выпуская трубки изо рта, только проворчал что-то в ответ. Ударило

---

¹ Торпекс (англ. Torpex), «torpedo explosive» — «торпедная взрывчатка» — бризантное взрывчатое вещество, состоящее из тринитротолуола, гексогена и алюминиевой пудры, вдвое более мощное, чем обычный тротил.

в борт рубки, скрипнуло дерево досок, и внутрь ввалился высокий и худой Нут Андресен. Сбрасывая с головы капюшон, брызгая водой, он сквозь кашель сказал:

— Надо спускать торпеды или уходить назад. Мы не сможем подойти на шесть миль к берегу. Нас в такую погоду разобьет о скалы.

Сзади в днище что-то ударило. Ларсен и рулевой переглянулись. Такой удар мог означать, что судно задело скалу. Значит, пробоина, значит, сейчас внутрь хлынет вода.

— За мной! — крикнул шкипер и бросился из рубки.

Следом затопал верзила Андресен. Снаружи ветер рвал снасти, срывал с головы капюшоны брезентовых курток. Баркас то взбирался на крутую волну, то падал носом в пену. Один из матросов тянул канат, уходящий за борт в бушующую воду. Андресен со шкипером бросились ему помогать. Канат шел легко, было понятно, что торпеду сорвало. Наконец вытащили обрывок каната, и Ларсен уставился на него, держась рукой за леер и широко расставив ноги. Конец был перетерт. Проклятие!

Двое моряков подошли к шкиперу, протягивая другой конец каната. Сорвало обе торпеды. От такой качки канаты просто перетерлись.

Откуда-то из темноты через шум волн слышался звук колокола. Бом... бом... бом... Сигнал морякам, которые пытаются вернуться в такой шторм домой, тем, кто потерял дорогу в тумане. Сигнал, что берег близко, что близко опасные скалы.

— Нам не отвернуть! — кричал Андресен, придерживая рукой край капюшона. — Прилив и ветер с моря. наших моторов не хватит, чтобы справиться. Мы попадем прямо в лапы нацистов!

— Сбавим ход, пойдем правой стороной фьорда! — прокричал Ларсен. — Ветер должен сдуть туман. В двух милях южнее Омандальса намытый щелнистый берег. Мы там сможем высадиться.

— Какого дьявола ты увидишь в этой темени, шкипер! — крикнул один из моряков. — Ничего не увидишь, пока лбом в скалу не ударишься.

— Я знаю эти места, — возразил Ларсен. — Я сам встану к штурвалу.

Поставив двух моряков на носу баркаса и приказав им привязаться линиями к ограждению, шкипер повел судно ближе к правому берегу фьорда. Шум прибоя стал слышнее, он даже заглушал звуки колокола. Несколько раз слышались немецкие сирены. В таком тумане

были не видны створовые фонари, позволявшие держаться в фарватере. Да и кто рискнет в такую погоду соваться во фьорды.

Моряков на носу баркаса окатывало водой снова и снова. Они смахивали воду с лица, протирали глаза и снова смотрели и слушали. Если судно сейчас ударится о скалы, эти двое смельчаков погибнут. Они не успеют отвязаться. Но если не привязываться совсем, их неминуемо смоем первая же волна. И моряки стояли и смотрели вперед, готовясь подать знак шкиперу, если вдруг по курсу появится скалистый берег.

Минут через десять волнение стало меньше, но сгустился туман. Ларсен сбавил обороты. Судя по времени, они были у цели. Единственное место до самого Тронхейма, где можно высадиться на берег. Прислушавшись, шкипер вдруг понял, что теперь немецкая сирена раздавалась сзади. Значит, они прошли Каменный Зуб, самый опасный поворот фьорда. Поворот штурвала, еще поворот, и баркас пошел вдоль скал. Темная стена виднелась даже в тумане, возвышаясь мертвой глыбой.

Вода стала спокойнее. Ларсен разглядел у борта пену. Значит, волны накатываются на пологий берег. Пора! Снова поворот штурвала, теперь баркас пошел под острым углом к ска-

лам. Если Ларсен ошибается, то через минуту судно разобьется.

— Всем наверх! — приказал шкипер. — Мотористы, наверх!

Поворот штурвала влево, еще! Но судно не слушается. Его тащит прибрежной волной, швыряет как щепку. К берегу — и тут же назад. Моторы рычат, взбивая воду винтами. Только не дать баркасу развернуться бортом к волне. Тогда судно станет неуправляемым, его положит набок и разобьет. И снова обороты на пределе. Теперь уже беречь мотор нет смысла. Жить «Артуру» оставалось несколько минут. А может быть, и меньше. Жаль, что не удалась операция. И еще больше огорчало то, что немцы найдут разбитый баркас и поймут, что не зря он шел в этом фьорде в такую погоду. Поймут, что за «Тирпицем» охотятся уже с применением специальных средств.

— Камни! — крикнул шкипер, перекладывая руль вправо.

Но бортовая качка делает судно почти неуправляемым. Волна, чуть приподняв баркас, бросила его правым бортом на острые зубья, то обнажавшиеся из-под воды, то снова скрывавшиеся в белой пене. «Как оскаленная пасть бешеной собаки», — успел подумать Ларсен.

И тут его бросило вправо с такой силой, что он невольно выпустил колесо штурвала и больно ударился плечом и головой о стену рубки.

Кто-то закричал, но треск древесины и скрежет металла заглушили этот крик. Шкипер успел подумать, что это конец. Но баркас волной развернуло носом к берегу. Новый удар волны в корму еще плотнее посадил его на камни. В пробоину по правому борту хлынула вода, судно стало заваливаться на бок. Кто-то схватил Ларсена за капюшон куртки и поволок прочь из рубки.

Шкипер увидел, как на носу моряки пытались выловить из воды упавших товарищей, сбрасывая туда спасательные круги, привязанные веревками. Кто-то уже прыгал в воду с правого борта, плыл к берегу, то скрываясь под водой, то снова выныривая. Все же здесь волнение было не таким сильным. Да и отмель, далеко простиравшаяся от берега, гасила силу волн. Когда последнего моряка отправили вплавь к берегу и на борту никого не оказалось, Ларсен еще раз осмотрел судно, с трудом удерживаясь на наклонившейся палубе, потом решительно прыгнул в воду.

— Обошлось, все живы, — сообщил один из моряков, когда одежда была отжата и все снова

оделись, дрожа от холода. — У Нильса сломана рука да у Якобса разбита голова, но они могут идти.

— Слушайте меня, друзья, — повысил голос Ларсен. — Нам нужно пройти тридцать километров. И только потом мы сможем развести костер и просушить одежду. До шведской границы сто сорок километров. Если мы будем держаться вместе, помогать друг другу, то выберемся все. Ничего, что у нас не получилось сегодня. Получится в следующий раз. Пока мы живы, мы будем сражаться с нацистами.

— Шкип, я остаюсь! — вдруг подал голос Андресен.

— Нут, дружище, что ты говоришь? — удивился шкипер.

— Я говорю, что не пойду с вами в Швецию. Здесь моя земля, мой дом. Я остаюсь и буду сражаться здесь. Я не буду смотреть из-за границы, как нацисты топчут мою землю и плавают в моих фьордах. Я ничего не смогу оттуда, зато я многое смогу здесь...

Платов только кивнул, когда увидел вошедших к нему в кабинет. Пружинисто поднявшись из-за своего рабочего стола, он жестом приказал группе следовать за ним и первым вышел в коридор.